

Александр Пист

117

«Автор»

2026

Пист А.

117 / А. Пист — «Автор», 2026

117 просыпается на старом грузовом космическом корабле без памяти. Задаётся двумя вопросами: Кто я? Где я? В ходе истории ему необходимо научиться выжить на "судне" , не сойти с ума, понять кто он и почему он здесь, а главное добраться до цивилизации ведь не знаешь чего ждать от бескрайнего космоса .

Александр Пист

117

Глава 1

Темнота была не пустой. Темнота была плотной.

Я понял это не сразу — слово «понял» предполагает работающую голову, а голова пока не работала. Было что-то вязкое, почти осязаемое, и был я, бесформенный и незнающий, погружённый в это вязкое по самую макушку. Не было ни верха, ни низа. Не было ни имени, ни памяти о том, что имя вообще может существовать.

Была только темнота. И тихое настойчивое требование тела продолжать дышать.

Вдох получился как скрип несмазанного шарнира — судорожный, короткий, слишком поздний. За ним ещё один. Тело, кажется, только что вспомнило, как это делается, и торопилось наверстать.

Я попробовал двинуть рукой.

Рука не отреагировала.

Я попробовал снова — и почувствовал её, но так, будто она принадлежала кому-то другому, а я только арендовал ощущение. Покалывание от кончиков пальцев до локтя, как тысяча мелких укусов. Я подождал. Потом попробовал ещё раз. Рука дрогнула — и это маленькое движение потребовало таких усилий, что я секунду просто лежал и выравнивал дыхание.

Потом накатила волна — резкая, без предупреждения. Желудок скрутило, горло сжалось. Я не успел ничего сделать: тело решило этот вопрос самостоятельно — спазм, рефлекс, горечь во рту. Почти ничего, потому что внутри почти ничего не было, но сам факт был унизителен и при этом совершенно не важен, потому что никто не смотрел.

Я не знал, откуда взялась эта уверенность, что никто не смотрит.

Холод я почувствовал позже, когда спазмы немного отпустили. Сначала — как общий фон, потом — как конкретный физический факт: моё лицо было влажным, и влага не стекала, а оставалась на месте, прихватившись на верхней губе коркой льда. Я ощутил это языком — шершавое, холодное, чуть солёное. Слюна. Замёрзшая слюна.

Значит, очень холодно.

Это было первое умозаключение. Первое в неизвестном количестве предыдущих, потому что история до этого момента была пуста — белый лист, никакого текста.

Судорога прошла по ногам — мышцы вспоминали, как сокращаться, и делали это не слаженно, а отдельными рывками, будто каждое волокно разбиралось с инструкцией независимо. Я дышал сквозь зубы и ждал. Торопить было некуда. Куда торопить — неизвестно, когда — неизвестно, зачем — тем более.

Просто лежал в темноте и дышал.

А потом — красный.

Маленький красный огонёк. Он мигал: вспышка, пауза, вспышка. Медленно, методично, с терпением вещи, которая мигала уже давно и собирается продолжать сколько угодно. Я смотрел на него долго, прежде чем сообразил, что он находится над моим лицом — совсем близко, почти над носом. И что между мной и ним есть прозрачная поверхность.

Стекло.

Я был внутри чего-то со стеклянной крышкой, и единственный источник света — аварийный индикатор — мигал красным над моим лицом.

Красный — это плохо. Это я знал. Откуда — непонятно, но знал.

Я попробовал поднять руку — теперь она слушалась лучше, хотя «лучше» было относительным понятием. Поднял. Коснулся стекла. Оно было холодным, почти как металл, и мои пальцы оставили на нём размытые следы — инея, что ли, или просто влаги. Я толкнул.

Ничего.

Толкнул сильнее — тело дало неожиданно мало. Руки были как чужие инструменты с разряженными батареями.

Потолок — или крышка, или что это было — не двигался.

Паника подкатила снизу, от солнечного сплетения. Не мысль, не рассуждение — просто физическое «нет», горячее на фоне всего этого холода. Я дышал, смотрел на мигающий красный, снова дышал. Не истерика. Истерика ничем не поможет — это я тоже знал, хотя откуда, снова непонятно.

Стекло. Замкнутое пространство. Аварийный индикатор.

Значит, должен быть аварийный выход.

Я начал методично шарить руками по внутренней поверхности. Медленно — пальцы ещё плохо слушались, ощущения приходили с запозданием. Левая сторона: гладко, гладко, какая-то трубка, снова гладко. Правая сторона: ребро жёсткости, выступ, ещё один выступ — рычаг.

Рычаг.

Я нашёл его случайно, запястьем, и несколько секунд просто лежал с закрытыми глазами, осмысливая факт находки. Потом обхватил его пальцами. Металл, ребристый, удобный. Явно сделанный для того, чтобы за него хвататься.

Я потянул.

Ничего.

Нажал.

Ничего.

Провернул — и вот это что-то дало. Механизм щёлкнул, один раз, глухо. А потом крышка поддалась — не распахнулась, а просто перестала быть закрытой, сдвинулась на несколько сантиметров и остановилась. Я упёрся в неё руками и надавил всем, что у меня было, — и она пошла, с сопротивлением, с каким-то скрипом, и хлынул воздух.

Другой воздух.

Не тот, что был внутри.

Я вдохнул его и поморщился. Пахло озоном — резкий, металлический запах, как после грозы в маленьком помещении. И что-то ещё под ним: стоячее, застоявшееся, как воздух в доме, где долго никого не было. Оба запаха не были неприятными — они были чужими, и это хуже.

Я перевалился через край.

Это было некрасиво — не выход, а скорее выпадение. Руки не успели поймать, ноги ещё не понимали, что от них требуется. Пол был металлическим и встретил меня без сочувствия.

Я лежал на нём и смотрел в темноту над собой.

Темнота была большой. Очень большой.

В ней ничего не было, ни звука, ни движения, ни других огней — только позади, там, откуда я выпал, продолжал мигать маленький красный индикатор. Вспышка. Пауза. Вспышка.

Я лежал, дышал и пытался понять, что именно я знаю о своей ситуации.

Немного. Почти ничего. Но кое-что всё же было.

Я жив. Это, пожалуй, главное.

* * *

Воздух есть.

Это первое, что фиксирую с какой-то определённой. Лежу на металлическом полу и дышу — раз, два, три, — и воздух есть, он холодный и отдаёт чем-то химическим, не против-

ным, но заметным. Четыре. Пять. Лёгкие работают. Грудная клетка поднимается и опускается, и это само по себе кажется маленьким чудом.

Лежу на спине. Под лопатками рифлёный металл — чувствую каждый выступ сквозь тонкую ткань комбинезона. Нервы работают. Руки вдоль тела. Пальцы касаются пола. Пол твёрдый, горизонтальный. Если я лежу горизонтально на твёрдом горизонтальном полу и не всплываю к потолку — значит, гравитация есть. Нормальная, насколько я вообще могу судить о нормальной. Что-то притягивает меня вниз с привычной настойчивостью, примерно с той же, с которой я не хочу вставать.

Один-g, отмечает какая-то часть меня, которая знает, что такое один-g.

Другая часть понятия не имеет, откуда это знание.

Открываю глаза.

Темнота не абсолютная — это важно. Глаза постепенно начинают вылавливать из неё подробности. Потолок уходит вверх выше, чем должен быть потолок в нормальном помещении. Гораздо выше. Смотрю вверх и не вижу его края — только провал, из которого где-то далеко тянутся вертикальные конструкции, что-то похожее на опоры или стойки.

Потом взгляд опускается.

Ряды. С обеих сторон от меня — ряды одинаковых объектов, уходящих в обе стороны так далеко, что темнота их поглощает. Продолговатые контейнеры размером с человека. Или чуть больше. Одни из них светятся — тусклый зеленоватый огонёк у основания, едва заметный, но живой. Таких мало. Большинство — мёртвые, тёмные, никакого огонька, никакого признака того, что там внутри что-то происходит.

Я лежу рядом с одним из таких контейнеров. С зеленоватым огоньком.

Рядом со мной на полу — осколки льда. Бывшие осколки льда: уже тают, расплзаются лужицей. Провожу по ним пальцем. Холодные, острые по краям.

Встать.

Мысль простая. Исполнение — другой вопрос.

Переворачиваюсь на бок — медленно, с ощущением, будто всё тело набито мокрым песком. Руки не слушаются с первого раза, но со второго получается опереться на локоть. Потом на ладонь. Потом приподнимаю себя до положения сидя, и мир качается, и я несколько секунд просто сижу, прижавшись спиной к боку контейнера, и жду, пока качание прекратится.

Прекращается.

Тянусь руками к борту контейнера — нащупываю выступ, хватаюсь. Металл холодный и шершавый. Тяну себя вверх. Колени протестуют. Ноги — отдельная история: они как будто получили приказ встать, но не читали инструкцию к нему и теперь импровизируют. Левое колено подгибается. Правая голень дрожит. Цепляюсь за борт обеими руками и стою — кое-как, криво, с центром тяжести где-то не там, — но стою.

Несколько вдохов.

Тело слушается. Медленно, будто через несколько слоёв чего-то между командой и мышцей, но слушается.

Смотрю вдоль рядов снова, уже стоя.

Огоньков мало. Очень мало.

И тут — как будто кто-то убрал стекло между мной и тем, что я видел, — до меня доходит масштаб. Это не комната. Это отсек такой длины, что его конец за пределами видимости даже сейчас, когда глаза более-менее адаптировались. Ряды идут не только вправо и влево, они идут — задираю голову — ярусами вверх, и там тоже что-то есть, угадывается в высоте. Сотни этих контейнеров. Может быть, тысячи.

Большинство тёмные.

Отпускаю борт. Стою самостоятельно. Почти.

И тут понимаю, что не знаю, как меня зовут.

Мысль приходит не как открытие — скорее как обнаруживаешь, что потерял ключи, когда уже стоишь у двери. Имя должно быть. Должно быть что-то, что я говорю, когда меня спрашивают. Тяну в памяти туда, где это должно лежать.

Там ничего.

Тяну ещё раз. Пытаюсь нащупать хоть что-нибудь — лицо, голос, место, запах дома, название города, имя человека, которого я знал. Что угодно.

Пусто. Совершенно, идеально, чисто пусто.

Паника поднимается снизу — физически, буквально снизу, из живота куда-то к горлу. Узнаю её, хотя не помню, где узнавал раньше. Лёгкие начинают работать быстрее, сами по себе, без моего разрешения. Руки слегка трясутся. Что-то тёмное и очень неприятное лезет из паузы там, где должна быть биография.

Нет.

Хлопаю себя ладонью по предплечью. Раз. Два. Больно. Хорошо.

Ощупываю руки. Пальцы — все на месте, считаю: один, два, три, четыре, пять, шесть — нет, подожди. Пять на левой, пять на правой, десять всего. Нормально. Ладони целые, кожа целая. Провожу по лицу — скулы, нос, лоб, подбородок. Шея. Плечи. Рёбра — жмякаю по ним методично, с одного бока, с другого. Больно в одном месте, но не критично. Живот. Ноги — стою, значит, целые.

Тело есть. Тело работает. Тело на месте.

Дыхание замедляется.

Имя — это просто слово. Потом разберусь.

* * *

Снаружи капсула выглядела обыкновенно. Ничего особенного — если, конечно, ты понимаешь, что такое «обыкновенно» применительно к металлическому гробу, из которого только что вылез.

Провёл рукой по боковой стенке. Металл холодный, слегка шершавый — мелкая зернистость антикоррозийного напыления, не гладкая поверхность. Пальцы ещё плохо слушались. В суставах что-то потрескивало при каждом движении, как будто из них выдавливали воздух. Я сжал и разжал кисть несколько раз подряд, пока ощущение не стало менее похожим на боль и более — на нормальное.

Трубки криогенной подачи шли снизу, крепились к основанию капсулы толстыми муфтами. Поверх — обмотка из теплоизоляционного материала, местами потрескавшаяся, из трещин торчала синтетическая вата. Не новая трубка. Не новая капсула. Разъёмы мониторинга — четыре штуки, квадратом — сидели над изголовьем; провода от них уходили в стену, в пучок таких же проводов от соседних капсул. Все разъёмы закрыты заглушками. Всё стандартное. Всё безликое.

Ничего, что могло бы что-нибудь рассказать о том, кто лежал внутри.

Обошёл капсулу сбоку, придерживаясь за неё рукой — равновесие ещё не вернулось до конца, и пол, покрытый ребристым металлическим настилом, казался слегка ненадёжным. Аварийные огни по периметру горели ровно, без мерцания. Тихо. Только мои шаги — тихий металлический звон при каждом — и фоновый гул откуда-то из глубины корабля, такой низкий, что скорее ощущался позвоночником, чем слышался ушами. Звук работающего механизма, которому нет дела до меня.

На боковой стенке — с противоположной стороны от разъёмов — я нашёл то, что искал.

Сначала — логотип. Ромб, вписанный в окружность, с тонкими линиями, расходящимися от центра. Под ним — буквы: «VERIDIAN EXPRESS». Ниже, чуть крупнее, — идентификатор корабля: «МГКВЕ 117-9900AA». И отдельно, выштампованным шрифтом, без всяких украшений:

«117».

Я уставился на эти три цифры довольно долго. Не потому что они были красивые или значимые — просто они были там. Единственное конкретное, осязаемое, что существовало в этом помещении помимо металла, темноты и гудения.

Залез обратно внутрь — не ложиться, просто проверить.

Ничего. Пустая внутренняя поверхность, профиль под человеческое тело, несколько точек крепления мягких фиксаторов — они болтались свободно, отстёгнутые. На голове у меня должны были быть электроды мониторинга мозговой активности; гнезда под них — вот они, над изголовьем. Но ни электродов, ни каких-либо личных вещей. Ни идентификационной карточки в кармашке под крышкой — я проверил; кармашек был, карточки не было.

Только комбинезон на мне. Тёмно-серый, без маркировки, плотный материал. Потрогал ткань на предплечье. Функциональный. Ничего лишнего. Никаких нашивок, никакого имени на нагрудном кармане — карман был, молния на нём была, внутри было пусто.

Вылез из капсулы и встал. Потёр лицо ладонями, пытаюсь собрать мысли в какое-то подобие порядка. Мысли не очень-то хотели собираться. Они скользили — начинали формировать вопрос и не заканчивали его, цеплялись за детали, которые ни к чему не вели.

Кто я.

Откуда я.

Что я делаю на этом корабле.

Ни на один из этих вопросов у меня не было ответа. Совсем. Это было странное ощущение — не тревога, не паника, что-то более похожее на ту пустоту, которая бывает, когда пытаешься вспомнить слово и обнаруживаешь на его месте только белый шум. Тихий, ровный, совершенно бесполезный.

Снова посмотрел на цифры.

«117».

— Сто семнадцать, — произнёс я вслух.

Голос вышел хриплый, сырой, как будто горло не использовалось очень давно. Скорее всего, так и было. Звук растворился в тишине криоотсека, почти не оставив эха.

Я подождал, пока эхо окончательно умрёт.

Что-то в этом было. Не красиво — нет. Просто конкретно. «Сто семнадцать» — это существовало здесь и сейчас, в отличие от имени, которого у меня, по всей видимости, не было, или которое я не мог вспомнить, что в сложившихся обстоятельствах давало одинаковый практический результат.

Имя — это просто маркер. Способ указать на конкретный объект в пространстве. У меня есть маркер: номер капсулы. Значит, задача решена. Не элегантно, но функционально, а функциональность сейчас важнее элегантности.

Я снова посмотрел на выштампованные цифры, потом на логотип корпорации над ними. «VERIDIAN EXPRESS».

Это надо запомнить. Это могло оказаться полезным позже — если будет «позже». Повторил про себя: Veridian Express. Корабль МГКВЕ 117-9900AA. Капсула 117.

Значит, я — 117.

Не трагедия. Просто факт.

* * *

Иду вдоль рядов.

Луч фонарика узкий — не шире ладони — и в нём видно, как в воздухе висит взвесь: то ли пыль, то ли что-то хуже пыли, какие-то микрочастицы, которые не осадут просто потому, что им некуда оседать в этой тишине. Металлические поверхности капсул отражают свет неровно — матовые, с налётом, который годами никто не тёр. Держу фонарик двумя руками, потому что правая ещё дрожит, и мне некуда это девать.

Считаю капсулы. Привычка или инстинкт — не знаю. Первая, вторая, пятая, двенадцатая.

Все крышки открыты.

Сначала думаю, что просто не вижу — угол падения луча неправильный, тени мешают. Но нет. Каждая капсула раскрыта, и внутри — ничего. Не пусто в смысле «человека нет», а пусто в смысле полного отсутствия: ни конденсата на стенках, ни следов криогена, ни даже того странного запаха, который я обнаружил у себя — кислый, металлический, как окисленный металл после долгого хранения. Здесь нет даже запаха. Испарилось. Давно.

Останавливаюсь у одной из них и ввожу внутрь руку. Сухо. Провожу пальцами по дну — слой пыли такой тонкий, что больше похож на статическое электричество. Потом отдёргиваю руку, потому что мне вдруг неприятно это трогать. Как будто это — чужое. Хотя чужое мне вообще всё, и моя собственная капсула не исключение.

Продолжаю идти.

Двадцатая, тридцатая, сорок восьмая. Прикидываю — ряд примерно на восемьдесят капсул с каждой стороны прохода, и таких рядов, судя по глубине отсека, не меньше шести. Это несколько сотен мест. Все пустые. Я один.

Это было понятно с самого начала — в тот момент, когда в тишине не было ничего, кроме гула систем и моего собственного дыхания. Но одно дело — знать умозрительно, а другое — идти и считать пустые капсулы, каждая из которых кричит об отсутствии.

На тридцать шестой замечаю, что перестал дышать нормально. Не задержал дыхание, нет — просто дышу поверхностно, экономно, как будто воздух может кончиться раньше, чем я доберусь до конца ряда. Сознательным усилием делаю нормальный вдох. Рёбра не особо довольны.

Отсек заканчивается переборкой.

Она появляется раньше, чем я ожидаю, — луч упирается в серый металл, и мне приходится остановиться, чтобы не ткнуться в неё лбом. Переборка толстая, клёпаная — такой металл не гнётся и не ломается, он просто стоит, потому что так решил тот, кто его поставил. В центре — люк с задрайками. Красные. Задраен наглухо.

За ним — я слышу ничего. Разумеется, слышу ничего — переборка звукоизоляционная.

Но за ней — пространство. Коридор. В обе стороны — темнота, судя по тому, что свет мой не отражается ни от чего близкого. Я это знаю, хотя ещё не открыл люк. Это просто логика конструкции: переборка — граница отсека, за ней — магистраль.

Стою и смотрю на задрайки.

Справа от люка, почти на уровне моих глаз, прикреплена табличка. Пластик, пожелтевший по краям, с матовой поверхностью. Схема эвакуации. Подношу фонарик вплотную.

Схема плохая — такие рисуют не для того, чтобы ориентироваться, а для того, чтобы формально выполнить регламент. Но кое-что разобрать можно. Кριοотсек обозначен квадратиком с пометкой «Секция F-7» — в правом нижнем углу схемы. Хвост. Я нахожусь в самом конце этого судна. Оставшаяся часть схемы уходит влево — коридоры, секции, технические уровни, что-то похожее на обозначение двигательного отсека в дальнем левом углу.

Между хвостом и носом — сантиметров двенадцать схематичного пространства. Пытаюсь прикинуть масштаб по каким-нибудь ориентирам. Нахожу надпись мелким шрифтом под схемой: «Общая длина судна — 9870 м».

Почти десять километров.

Ещё раз смотрю на квадратик «F-7» в нижнем правом углу. Потом на остальную схему. Потом снова на квадратик.

Кριοотсек занимает примерно один процент корабля. Может, меньше.

Фонарик начинает мигать — дважды, коротко — и осознаю, что держу его слишком крепко. Ослабляю хват. Мигание прекращается.

Стою у переборки, и темнота за моей спиной — восемьдесят рядов пустых капсул — давит так же, как темнота впереди. Две разные темноты, и я посередине, и это, вероятно, самое точное описание моего положения на данный момент.

Корабль пустой.

Я один.

И он, по всей видимости, никуда не летит — или летит, но я понятия не имею куда и есть ли там вообще что-нибудь, когда долетит. Навигация, маршрут, пункт назначения — всё это существует или не существует по другую сторону этой переборки, в тех двенадцати сантиметрах схемы, которые я ещё не прошёл.

Смотрю на схему ещё раз. На квадратик «F-7».

Сто семнадцать — это номер капсулы. И, выходит, я — крошечный квадратик в углу очень большой схемы.

Что ж. По крайней мере, теперь я знаю, где именно нахожусь.

* * *

Жажда приходит резко, как щелчок переключателя.

Только что я стоял у стеллажей и считал пустые капсулы, пытался угадать что-то по их расположению, по маркировке, по остаточному запаху озона и чего-то сладковатого, что теперь понимаю как консервант из циркуляционного контура. И вдруг — всё. Отсек, капсулы, пустота — всё стало вторичным. Горло сжалось, как будто кто-то перекрыл кран.

Слизистые пересохли настолько, что при попытке сглотнуть ощущаю нечто похожее на мелкую наждачную бумагу. Это криосон. Я знаю, что это криосон — дегидратация слизистых при длительном охлаждении метаболизма, стандартное явление при выходе из состояния ниже минус тридцати. Тело неделями не производило слюну в нормальных объёмах. Теперь наверстает.

Интересно, кто мне это объяснил. Сейчас, в четыре часа неизвестно чего, в чёрном пространстве чужого корабля, без имени и без воспоминаний, я с абсолютной уверенностью формулирую клиническое описание дегидратации при крионике. Могу, наверное, и на латыни, если постараюсь.

Но сначала — вода.

Аварийная схема эвакуации нашлась там, где я её искал, не задумываясь зачем. Прямоугольная пластина у входного люка, покрытая чем-то вроде матового лака поверх металла, с тиснёными линиями — план палубы, красным выделены аварийные точки. Фонарь едва справляется с расстоянием, приходится подойти вплотную. Луч дрожит — рука ещё не работает как следует, мелкий тремор после охлаждения не прошёл.

Технический отсек. ТО-3. Примерно восемь метров по коридору, первый поворот направо, дверь с жёлтой маркировкой.

Иду.

Коридор за криосекцией не освещён совсем. Фонарь вырывает из темноты куски стен — серый металл, кабельные каналы вдоль потолка, пол с рёбрами противоскольжения. Ноги переставляю осторожно: поскользнулся ещё не прошло, и я не вполне уверен в точности своих движений. Это тоже нормально. Периферическая нервная система восстанавливается дольше. Я знаю это так же уверенно, как знаю своё имя — то есть никак, но знание есть.

Дверь ТО-3 не заперта. Это правильно — аварийные отсеки не должны быть заперты. Она открывается от лёгкого нажатия, петли не скрипят, только короткий металлический выдох давления.

Внутри темнее, чем в коридоре, — там хотя бы было ощущение пространства. Здесь фонарь упирается в стеллажи почти сразу. Низкий потолок нависает, почти касается темени. Запах — резиновый, немного химический, с примесью чего-то вроде сухого пластика. Воздух

здесь не циркулировал, судя по всему, очень давно. Он неподвижен так, как бывает только в замкнутом пространстве без людей, — стоячий, спрессованный временем.

На стеллажах — инструменты, свёрнутые кабели, несколько контейнеров с неразличимой пока маркировкой. Двигаю фонарём медленно, слева направо.

И нахожу.

Нижняя полка, правая сторона. Пластиковый ящик с жёлтой полосой и надписью, которую даже при плохом освещении читаю без труда: АВАРИЙНЫЙ ПАЁК / ЭКИПАЖ / ТИП С. Под крышкой — несколько рядов запаянных пакетов. Часть — вода, маркировка простая: 250 мл, срок хранения выдавлен прямо в пластик. Часть — концентрат, тёмные пакеты с маленьким белым значком: что-то питательное, скорее всего углеводно-белковая смесь.

Беру пакет с водой. Руки не слушаются достаточно хорошо, чтобы вскрыть его аккуратно, поэтому действую зубами. Пластик поддаётся, и первые несколько капель попадают на язык раньше, чем успеваю поднести пакет как следует.

Рефлекс — выпить всё и немедленно.

Я этому рефлексу не даю воли.

Маленький глоток. Подождать. Ещё один.

Желудок после криосна — это не желудок в обычном понимании. Это что-то сжатое, сонное, не готовое к большим объёмам. Слишком быстро — и тело всё вернёт обратно, потратив остатки сил на рвоту, которую я сейчас не могу себе позволить ни физически, ни психологически. Я не знаю, когда последний раз ел. Возможно, несколько лет назад по субъективному времени, а по биологическому — вероятно, ещё дольше, если метаболизм был снижен глубоко.

Маленький глоток.

Вода не имеет вкуса. Это правильная, техническая, дистиллированная вода с добавлением солей — чувствую едва заметный привкус, который знаю как электролитный баланс. Не вкусная. Лучшее, что я пил в своей жизни, — хотя жизни я не помню.

Стою в тёмном техническом отсеке на борту пустого корабля, пью воду из аварийного пайка и думаю: я знаю, что такое электролитный баланс. Я знаю, почему нельзя много пить после криосна. Я знаю физиологию выхода из гипотермии, знаю, что периферийный тремор пройдёт через два-три часа, знаю, что зрение восстановится полностью к шести-восьми. Это не интуиция. Это образование.

Значит, у меня оно было.

Второй пакет воды открываю аккуратно — руки немного лучше. Пью медленно, ставлю на полку между глотками, даю себе время. Беру пакет концентрата, рассматриваю. Состав на боку мелко, и фонарь уже немного садится — свет стал желтее — но разбираю: мальтодекстрин, сывороточный протеин, жиры растительного происхождения, витаминный комплекс. Стандартный аварийный рацион. Рассчитан на человека семьдесят килограммов при нулевой физической нагрузке — примерно на сутки одна упаковка.

Подсчитываю пакеты в ящике на глаз. Двенадцать воды, восемь концентрата. Не много. И это всё, что у меня есть прямо сейчас.

Концентрат не трогаю — рано. Желудок ещё не готов к твёрдому, даже к такому условно твёрдому. Чуть позже.

Сажусь прямо на пол, прислонившись к стеллажу. Фонарь кладу рядом, он светит в стену. В скудном жёлтом пятне вижу собственные руки — бледные, со слегка синюшным оттенком ногтей, с мелкой дрожью, которая почти прошла. Руки как руки. Ничего примечательного. Никаких шрамов, никаких характерных мозолей, никаких следов работы, которая могла бы что-нибудь рассказать о том, кем я был.

Но я знаю физиологию крионики.

Значит, я был кем-то, кто это изучал.

Это, по крайней мере, уже что-то.

Делаю последний глоток из второго пакета и убираю пустые в сторону. Порядок — это правильная мысль. Если есть вода и есть паёк, и если я знаю, как аккуратно расходовать и то и другое — я проживу достаточно, чтобы разобраться, что дальше.

Дальше — это большой вопрос. Но сначала надо встать.

* * *

Задраиваю люк аварийного отсека за собой — нащупываю штурвальный замок в темноте, как будто делал это тысячу раз, поворачиваю до щелчка. Привычка, инстинкт, мышечная память откуда-то из до-криосонного прошлого. Не важно. Важно, что замок встал.

Главный коридор хвостовой секции встречает меня тусклым оранжевым светом.

Не светом, если честно — полосами у самого пола, через каждые три метра, аварийная разметка. Они не освещают пространство, они намекают на него: вот пол, вот направление, вот примерный контур стен. На метр-полтора поднимаются тени, а дальше — ничего. Темнота начинается резко, как граница, и уходит вперёд вместе с коридором в то, что я ещё не успел назвать никак.

Стою у люка, давая глазам привыкнуть. Давать им нечего — больше оранжевого не прибавится.

Иду.

Под подошвами — рифлёный металл, противоскользящий, и чувствую его рисунок через тонкую подошву. Холод поднимается снизу, в ботинки, в подъёмы стоп. Наверное, я нашёл ботинки в аварийном отсеке, наверное, они мне впору. Не помню. Много чего не помню.

Гул.

Он был со мной с самого начала, с первой секунды после капсулы, но только сейчас, в коридоре, слышу его по-настоящему — корабль дышит. Низкий, почти инфразвуковой тон, который не столько слышишь, сколько ощущаешь в груди, в костях. Системы жизнеобеспечения, вентиляция, теплообмен — что-то огромное и живое существует в переборках вокруг меня, перегоняет воздух и тепло, поддерживает температуру в диапазоне, при котором я не умру в течение ближайших часов. Благодарю. Кого — непонятно.

Иду дальше.

Один. Два. Три.

Считаю шаги. Не потому что это даст мне какую-то полезную информацию — длину коридора в метрах я и так примерно понимаю из того, что видел, когда шёл к аварийному отсеку, — просто потому что считать лучше, чем не считать. Пока считаю, голова занята. Пока голова занята, не нужно думать о том, что думать-то и не о чем.

Сорок. Сорок один. Сорок два.

По обе стороны коридора — закрытые переборочные люки. Одинаковые. Через каждые, примерно, восемь метров. Ни маркировки, ни огней, ни признаков того, что за ними что-то живёт. В оранжевом полусвете они похожи на зубы — ровные, тупые, закрытые.

Сто. Сто один.

Я ожидал, что коридор кончится. Дойдёт до переборки, разветвится, упрётся в шлюз. Что-нибудь. Но он шёл дальше, и оранжевые полосы у пола уходили вперёд, теряясь в темноте через двадцать-тридцать метров — не потому что они гасли, а потому что расстояние само по себе было достаточным, чтобы их поглотить.

Двести. Двести один.

Рёбра переборок медленно проплывают мимо. Гул чуть меняет высоту — или это мне кажется. Воздух здесь пахнет по-другому, меньше озона, больше металла и чего-то старого, как будто корабль хранил этот воздух долго, очень долго, и я дышу чужими запасами.

Триста.

Ноги начинают чувствоваться. Тело ещё не доверяет себе после капсулы — мышцы работают, но не так, как должны. Небольшое запаздывание между решением и движением, как

будто нервная система заново учится, что у неё есть конечности. Я замедляюсь, но не останавливаюсь.

Четыреста. Четыреста один. Четыреста два.

Коридор не кончился.

Пятьсот.

Останавливаюсь.

Передо мной — темнота, точно такая же, как та, из которой я вышел. Позади — темнота, в которой где-то за спиной угадывается оранжевый отсвет у пола. Справа и слева — закрытые люки. Коридор уходит вперёд ещё на неопределённое расстояние, и у меня нет никакого способа узнать, на какое именно, не идя туда.

Пятьсот шагов. Примерно четыреста метров, если шаг около восьмидесяти сантиметров. Почти половина километра — и это хвостовая секция. Одна секция из неизвестного количества.

Стою.

Металл вокруг меня огромен — не в смысле архитектуры, не в смысле впечатляющего вида, а в смысле чистой бессмысленной цифры. Здесь должны быть люди, много людей, чтобы это имело смысл. Экипаж, техники, навигаторы, какой-нибудь буфет с плохим кофе. Вместо этого — я, оранжевые полосы и гул в переборках.

Тишина сильнее темноты. С темнотой я как-то договорился за последние часы — темнота просто отсутствие фотонов, с ней можно работать. Но тишина — она не отсутствие звука, потому что гул никуда не делся. Это отсутствие других голосов, других шагов, случайных звуков чужого присутствия. Тишина — это когда единственный звук, который делаешь ты, — это твоё дыхание, и ты его слышишь слишком хорошо.

Слышу своё дыхание. Слишком хорошо.

Открываю рот.

— Меня зовут сто семнадцать.

Голос выходит хриплым, негромким, как будто голосовые связки тоже отходят от криосна и ещё не определились, стоит ли работать в полную силу. Слова — нормальные слова, русские, произношу их без усилия, значит, язык у меня есть, хотя бы один. Хорошо.

Эхо уходит в металл.

Не возвращается.

Коридор слишком большой для эха — или стены поглощают звук, или расстояние убивает его прежде, чем он успевает отразиться. Слова просто уходят, растворяются где-то между переборками, и остаётся только то, с чего я начал: гул, холод, оранжевые полосы у пола.

Стою ещё немного. Гул идёт снизу, из-под ног, из самой конструкции — равномерный, безразличный, как дыхание чего-то, которому нет до меня никакого дела.

Потом разворачиваюсь и иду обратно — не потому что там лучше, а потому что там хотя бы есть вода и закрытый люк, который я умею заdraивать.

Сто семнадцать. Меня зовут сто семнадцать. Я иду по кораблю, который слишком большой для одного человека, и это пока всё, что я знаю.